

Имена – странная вещь.

Элефтериос. Лефтерис для краткости. Ни то, ни другое имя не было дано ему при рождении, но его мать с самого раннего детства, и до тех пор, пока он не стал достаточно взрослым чтобы запомнить, говорила ему, что его имя слишком опасно, чтобы мир его знал. Это был их личный секрет, который нужно было сохранить любой ценой.

С самого начала они часто переезжали. Каждое место было новым домом, и каждый дом означал новое имя. Так было безопаснее, настаивала его мать. Так, если кто-то узнает его настоящее имя, они не смогут выследить их по подделкам. Если каждая деревня и каждый город будут знать его под другим именем, они будут в безопасности.

Однажды, когда ему было пять лет, он спросил у матери, зачем она вообще дала ему имя, если это такая обуза. Это был не первый раз, когда он видел, как она плакала, но этот случай он запомнил наиболее ярко. Он пытался утешить её, слепо, как это делают маленькие дети, – уверяя её в том, чего не понимал и не мог сделать.

Детские уверения всегда быют сильнее всего. Потому что, в отличие от взрослых, ты знаешь, что они верят в них всей душой. Что они не понимают, что некоторые вещи невозможны в таком уродливом мире.

Со временем он повзрослел и понял порядок вещей. Он взял тот контроль над своей жизнью, что мог и решил, что если ему и придётся жить под фальшивым именем, то это будет имя которое он выбрал сам. И, если признаться, имя он выбрал дерзкое, но, после целой жизни проведённой в бегах, он решил, что может позволить себе некоторую дерзость.

Элефтериос. Освободитель.

Он повзрослел, но это не означало, что он полностью отказался от этих идеалов. Он делал то, что мог, когда мог и как мог, он помогал тем, кто страдал так, как страдал он.

До того дня, пока его имя не настигло его

— Тери, — прошептал узурпатор. Ещё одно прозвище, которое мальчик выбрал ему. Он стоял на руках и коленях у края пещеры, выглядывая настолько далеко, насколько смел. Мальчик был в равной степени любопытен и насторожен. — Кто это?

Лефтерис не двигался, не оглянулся, даже не вспыхнул пневмой в ответ. Он не смел.

Не сейчас, пока за ним наблюдал Овод.

В свободном Средиземноморье были вещи, которые были всеобщими. Истории о людях и местах, из-за которых каждый Греческий ребёнок, даже такой как он, сточили себе зубы у костров, рассказывая их вновь и вновь. Каждый мальчишка хотя бы раз проливал горькие слезы из-за трагедии Геракла, Чемпиона, несправедливо сражённого в одиннадцатом подвиге после завершения десятого. Каждый свободный гражданин знал о Завоевателе и его жадности, знал, что его надо бояться и никогда не произносить его имя вслух, потому что не было гарантии, что он не услышит его.

И, конечно, каждый ученик, у которого есть хоть одна мысль в голове, знал об Учёном и его влиянии. О человеке, существовавшем не только в легендах, но и в том же самом современном мире, в котором родился и Лефтерис. Человек, которого Тираны считали неистребимым вредителем. Человек, которого все культиваторы считали в некотором роде мастером своего мастера. Философ, которого не смогло убить даже Побережье.

Сократ.

Перед глазами Лефтериса этот человек вышел из пещеры, расположенной в пятидесяти футах от убежища, которое он считал своим, и на расстояние прыжка от грота, где его подопечные каждую ночь ложились отдыхать. И всё это время он не знал, что они были не одни. Он выбрал это место, прямо под бессмертной штормовой короной Бушующего Неба, потому что близость к буре была единственным способом укрыться от бдительного ока Тирана. И он был достаточно глуп, чтобы думать, что этого достаточно. Он думал, что так они будут в безопасности.

Застыв от ужаса, Лефтерис смотрел, как Овод подхватил коварного претендента Розовой Зари за пояс из золотой шали и бросил того в бурю.

Сократ повернул голову и посмотрел ему прямо в глаза.

Полигимния, отчаянно призвал Лефтерис. Муза священной поэзии тут же прижала палец к его губам.

Молчи, прошептала она ему на ухо более серьёзным тоном, чем он когда-либо слышал от неё, и, прижавшись к его спине, защитно накинула на него свой плащ. И не шевелись.

Лефтерис повиновался, как повиновался с самого детства, склонив голову и надеясь, что великие люди не обратят на него внимания. На долгий-долгий миг ему показалось, что всё кончено. Что его так или иначе вычислили, что Овод непременно разоблачит его. Что его судьба обрушится на него и его подопечных. Полигимния держала его, сглаживая напряжение в его теле, чтобы он не сдвинулся ни на малейший градус.

Потом всё закончилось. Овод покачал головой, пробормотал что-то, чего Лефтерис не расслышал за звуком своего колотящегося сердца, и как ни в чем не бывало, пошёл обратно в свою пещеру. Как только он скрылся в тени, он снова исчез для всех чувств Лефтериса. Раньше он не замечал Учёного, потому что для его пневмы этой пещеры как будто не существовала.

Медленно, Полигимния потянула его за собой, прикоснувшись вуалью к его щеке, и он медленно, шаг за шагом, вернулся в свой собственный грот. Только когда он оказался внутри, вдали от посторонних глаз, она отняла палец от его губ и прошептала напутствие.

Лефтерис повернулся и посмотрел на узурпатора, в данный момент пытавшегося вырваться из захвата, в котором его держал ярый защитник.

Они были совсем мальчишками. Настолько юные, что могли бы сойти за его сыновей, если бы не тот факт, что они выглядели совершенно иначе, рыжеволосые и яркоглазые, в то время как он был окрашен в пустынные тона. Узурпатор был младшим из них, чуть ниже ростом, чем ярый защитник, и гораздо более вопиющим в своих манерах. Что было весьма прискорбно, поскольку его настоящее имя было гораздо более опасным из них двоих.

— Что я тебе говорил насчёт сования своего носа куда попало? — потребовал Лефтерис перво-наперво, хотя адреналин, бьющий по его венам, придал словам жар, которого он не предполагал. Оба мальчика замерли, уставившись на него. — Ну?

Ярый защитник заговорил вместо узурпатора, заступаясь за него, как и всегда.

— "Будь осторожен без Тери", — ответил старший мальчик, повторяя по памяти.

— Но ты же был рядом! — запротестовал узурпатор, дёргаясь взад-вперёд в крепкой хватке ярого защитника. — Я только хотел посмотреть.

— И ты увидел, — сказал Лефтерис, опускаясь перед ними на колени, — но в ответ тебя тоже увидели.

Узурпатор побледнел, а его ярый защитник схватил его за шею.

— Я же говорил тебе, — шипел старший мальчик. — Я говорил тебе ждать. Всё, что от тебя требуется — это терпение.

Лефтерис наблюдал за тем, как они спорят, и в его сердце зарождалось странное сочетание симпатии и ужаса. Они сильно выросли с тех пор, как он взял их к себе, и их дух начинал утверждаться. Их самоощущение укреплялось, и они жаждали жить своей жизнью. Он знал, что они хотят свободно ходить по земле, не боясь, что их признают теми, кто они есть, пусть и не по своей вине. Они устали ждать освободителя.

Элефтериос. Это имя он хотел когда-нибудь оправдать. Но этот день, очевидно, был не сегодня.

— Молчите оба, — наконец сказал он, глядя мимо них на скромные условия, которые ему удалось создать для них с момента прибытия в город-святилище. Мебель и инструменты для приёма пищи, несколько игрушек и диковинок, которые он подобрал после нескольких месяцев хождения по рынкам, и столько скрижалей и свитков, сколько он смог пронести в пещеру на вершине горы. То есть немало.

— Пора уходить? — спросил узурпатор, наблюдая за тем, как он осматривает их вещи. Теперь в его разноцветных глазах читалось раскаяние. Он знал, что означает этот взгляд. — Прости, Тери. Я не знал — честное слово, я не хотел, чтобы меня увидели.

Без лишних слов ярый защитник освободил узурпатора от удушающего захвата и отправился в свою часть пещеры, на ходу собирая вещи.

Лефтерис вздохнул и положил руку на голову младшего мальчика.

— Всё в порядке, — сказал он мальчику. — Может пора уходить, а может и нет. Я ещё не уверен. А пока... пока мне нужно поговорить с несколькими людьми, и вы двое пойдёте со мной.

Ярый защитник остановился, запихивая игрушечный меч и прилегающий к нему щит в большой кожаный мешок: «Сейчас?»

Лефтерис мрачно кивнул: «Сейчас».

Они пошли по длинной дороге, мальчики были замаскированы настолько непримечательно, насколько могли себе позволить: на каждом была соломенная крестьянская шляпа, которая скрывала от посторонних глаз их характерные черты и позволяла им прекрасно сливаться со многими другими детьми на окраинах города.

Они пошли по длинной дороге, потому что Лефтерис уже не мог быть уверен, что ему удалось их спрятать. Пока они плутали по городу Олимпии, мальчики поневоле забывали о напряжённости ситуации, начиная исследовать рынки и общаться с другими детьми, Лефтерис всеми своими чувствами искал преследователей. Он не нашёл их, но точно также, он никогда не находил их в Олимпии и до этого, и это не остановило Сократа, когда он вышел из пещеры на расстоянии плевка от него.

Это не остановило восставшего из Рима.

Они почти обошли весь город от угла до угла и несколько раз прошли через агору. Узурпатор наслаждался каждым мгновением, стремясь изучить место, которое столько месяцев было у него на виду, но постоянно оставалось недоступным, и хотя ярый защитник старался не терять бдительности, он был ещё совсем мальчишкой. После второй прогулки по агоре он получал не меньшее удовольствие, чем узурпатор.

В конце концов, утро перешло в полдень, а полдень в вечер.

К тому времени, когда Лефтерис удовлетворил свою паранойю и они прибыли к месту назначения, догорающие угли сумерек угасли, и луна взошла на свой небесный трон. Они стояли перед неприметной дверью в одном из менее известных жилых районов города, когда он сказал мальчишкам помолчать. Измученные долгим днём приключений, они безропотно подчинились. Он поднял руку и постучал ею по дереву.

Лефтерису понадобилось постучать всего один раз, чтобы Песня Меча открыла дверь. Элисса уставилась на него, и он увидел отражение своей дикой паранойи в её глазах.

— Что ты здесь делаешь? — сурово прошептала она, тут же устремив взгляд на двух мальчишек, прятавшихся за его ногами. — И кто они?

— Они со мной, — просто ответил он, наклоняясь. — Я здесь потому, что сегодня утром увидел нечто возмутительное. Ты говорила с теми двумя культиваторами из Розовой Зари с тех пор, как мы их встретили? С похорон кириоса?

Выражение её лица изменилось, и его худшие опасения подтвердились. Он схватил каждого из своих мальчишек за плечи и втолкнул их в дом Героини. После чего он захлопнул за собой дверь, и Элисса тут же прижала руку к дереву, закрыв глаза и что-то беззвучно сказав с помощью пневмы. Покончив с этим, она развернулась и пошла по коридору.

Ужас, который он испытывал, удвоился, когда они вошли вслед за ней в следующую комнату и увидели полную группу Героических культиваторов.

— Лефтерис? — растерянно спросил Кайно, вставая со своего места перед очагом. На коленях у него лежала его крокодилова шкура, и он выпрямился из сгорбленной и настороженной позы, когда они вошли в комнату. — Что происходит?

Вместо того чтобы сразу ответить, Лефтерис уставился на двух других культиваторов в комнате, кроме Кайно и Элиссы. Герой Алебастровых Островов и сама Едкая Королева. Джейсон смотрел на него сквозь разведённые пальцы, прикрывая лицо рукой, наполовину

свесившейся с кушетки. Анастасия даже не удостоила его взглядом, прислонившись к закрытому ставнями окну с закрытыми глазами.

Лефтерис точно знал, что Кайно и Элисса не составляют компанию этим двоим. Он также точно знал, что они были там, в ночь похорон. Воспоминания были почти полностью чёрными, вымытые глупым количеством алкоголя, но он помнил клуб. Он помнил крики орлов и ворон, тяжесть команды и восставшего, который нёс её на широких гневных плечах. Человека, за которым следовали Джейсон и Анастасия.

— Это должно быть шуткой, — отстранённо, как бы чужим голосом, сказал Лефтерис. Он хотел, чтобы это было правдой, неосознанно разжигал пламя своего сердца, чтобы сделать так, но увы, такое изменение было ему не под силу. Выражение его лица исказилось.

— Вы двое, вместе с ними? Вы что, с ума сошли?

— 'Леф... — Кайно попытался снова, накинув себе на плечи крокодиловую кожу и поднявшись, чтобы протянуть к нему руку. Лефтерис с яростью отбил её. И узурпатор, и ярый защитник вздрогнули.

— Не "Лефкай" мне! Посмотри на себя! Посмотрите на себя! — Он обернулся к Элиссе, прислонившейся к дверной раме со скрещенными руками. Она нахмурилась. Песня Меча не встречала его взгляда. — Что могло овладеть тобой? Что могло быть таким манящим, чтобы вы последовали за ними? За этим человеком? Первый раз мы увидели его после того, как он ударил нас всех по лицу и смотрел, посмеем ли мы что-то предпринять, а во второй раз — со сломанным Вороной в руке!

— С тех пор много чего произошло, — сказал Кайно, успокаивающе протягивая обе руки. Ярый защитник с тревогой посмотрел на Лефтериса и Героического Охотника. Отстранённо Лефтерис понял, что Кайно, возможно, был самым крупным мужчиной, которого когда-либо видел мальчик.

— Тебя там не было, — добавила Элисса, упрямая до самого конца. — То, что происходит сейчас, это...

— Что? Что может быть настолько значительным, чтобы связываться с человеком, который делает врагами Тиранов в их собственных владениях? Что может быть настолько убедительным, чтобы связать себя с безбилетниками из Розовой, блять, Зари?

— Хватит лаять как собака, — пробормотала Анастасия, открывая глаза. Лефтерис оскалил на неё зубы.

— Хватит быть ядовитой шлюхой.

Она подняла бровь, не впечатлённая.

— Сядь, 'Леф, — потребовала Элисса. — Ты пугаешь своих детей.

Он посмотрел вниз и увидел, что это правда. Узурпатор и его ярый защитник смотрели на него, удивлённые и испуганные. Даже в прошлые кризисные моменты, во время конфликтов, которые и привели их в Город Полу-Шага, он никогда не говорил так при них. Он считал себя

выше этого. Лефтерис стиснул зубы и потянулся к спокойствию.

Полигимния, как всегда, встретила его на полпути, и он медленно выдохнул.

Он сел и обратился к залу: «Скажите мне, почему сегодня утром я видел, как Овод бросил Грифона в Бурю, Которая Никогда Не Прекращается?» — Он получил небольшое удовольствие от того, как это заявление пронеслось по комнате. Джейсон злобно выругался.

А потом они рассказали ему.

Это была история, рассказанная обрывками, каждый из Героических Культиваторов предлагал свою точку зрения, эпизод, которого не видели другие. Та сторона жизни восставшего и его ученика, которая не была видна другим в ту ночь на похоронах. Они не торопились, один из них время от времени подхватывал у другого, чтобы подчеркнуть ту или иную деталь, и было ясно, что они рассказывали друг другу эти истории весь день. Пытаясь понять, во что они ввязались и почему.

К концу рассказа Лефтерис был удовлетворён не больше, чем раньше. И, если честно, он стал ещё злее.

— Вы хотите сказать, — наконец произнёс он, когда всё было сказано и напряжённая, ожидающая тишина осела в комнате, как погребальный саван, — что эти двое напичкали вас банальностями и героическими идеалами, обещали вам спасение, не объясняя, как они его доставят, и вы в обмен на это взяли за оружие против Тиранов Культа Бушующего Неба?

— Ты бы понял, если бы был там, а не прятался в своей пещере, — сказала Анастасия, отмахнувшись от его презрения и с улыбкой дав своё.

— Дела обстоят хуже, чем мы предполагали, — вклинилась Элисса, прежде чем он успел огрызнуться. — Мы знали, что всё будет плохо, но не настолько. Мы думали, что они убьют свои мишени и на этом всё закончится, но это продолжается. Каждую ночь после похорон они выпускают своих Ворон.

— Мистики боятся ходить по горам в одиночку, — мрачно сказал Кайно. — Даже те, кто не должен ничего бояться, те, кто не может сыграть существенной роли в борьбе за власть Тиранов. Дети, 'Леф. Они путешествуют стаями, даже днём, потому что только так они чувствуют себя в безопасности.

— И кто-нибудь из вас хотя бы на мгновение задумывался, не имеют ли к этому отношения ваши новые друзья? — Лефтерис не стал дожидаться ответа. Выражение их лиц говорило само за себя. — Станный культиватор появляется в ночь похорон кириоса и прорезает кровавую полосу через ночных ползунов культа, после чего он напрямую обвиняет молодого аристократа Бушующего Неба в сговоре с убийцами, а вы удивляетесь, что аристоисы реагируют?

— Это не только из-за Солуса, — сказал Джейсон, покачав головой. Теперь он почти полностью свисал с кушетки, вися головой вниз. — Они уже начали наседать на младших, проводя линии и меняя риторику в своих лекциях.

— Если бы я хотел послушать, как говорит трус, я бы пошёл искать Скифаса. Молчи.

Джейсон с усмешкой посмотрел на него, сделав одной рукой вульгарный жест.

— Ты сказал, что видел Овода с Грифоном сегодня утром, — сказала Элисса, нетерпеливая и беспокойная. — Когда именно и где?

Он с самого начала знал, что их убежище под бурей не может длиться вечно. И всё же, ему было больно видеть, как плечи его мальчиков опускаются при этом вопросе. Они знали, что если убежище найдено, то оно больше не используется. Разочарование раздуло пламя гнева и отвращения, заставив его подняться на ноги. Он вышагивал посреди комнаты, не в силах усидеть на месте.

— Это было через час после рассвета, может быть, раньше. Мы находились на восточном склоне горы, достаточно близко к буре, чтобы смертный мог бросить в неё камень. Грифон вылетел из пещеры, избитый до полусмерти, а за ним вышел Овод.

Он провёл рукой по волосам, снова и снова разворачиваясь на пятках.

— Я просто не могу взять в толк. Я знаю вас двоих. Я знаю, что вы не такие глупые, — сказал он Элиссе и Кайно, ненавидя то, как они на него смотрели. Как будто они знали секрет, о котором ему ещё не сказали. — Я слушал вас, я выслушал вас от начала до конца, и я всё ещё не понимаю! Что может быть такого притягательного в этих двоих, чтобы убедить вас в этом безумии?

Кайно тяжело вздохнул, достал из складок своего культового одеяния кожаную шкуру и сделал долгий глоток из неё. Он протянул её Элиссе, которая сделала ещё более долгий глоток и поморщилась от вкуса.

— Есть в них что-то, — тяжело произнёс Кайно. — Я не могу описать это словами.

— Сохраняется ли эта безымянная вещь после смерти? — спросил Лефтерис. — Потому что если нет, то теперь она для вас бесполезна. И вот вы здесь, одни на холоде. Неужели вы думаете, что старейшины поверят в вашу историю о похищении? Думаете ли вы, что сможете преподнести её без тени сомнения, когда окажетесь с ними лицом к лицу? Вы готовы поставить на это свои жизни?

— Они не мертвы, — сказала Анастасия, и простая уверенность в этих словах заставила Лефтериса на мгновение прийти в ярость.

— Я видел, как Учёный бросил Грифона в бурю, — медленно и доходчиво произнёс он. — Одиноким и полумёртвым. Он мёртв.

— Он жив, — ответила она так же медленно. — Ни один ученик Солуса не умер бы от такого.

— Он мёртв! — крикнул Лефтерис, несмотря на то, что это заставило его мальчиков подскочить в тревоге, несмотря на шипение Элиссы, просившей его замолчать. Его пневма поднялась вверх, ярость затмила его разум. — Он мёртв, и его мастер не далеко от него! От того, что вы будете сидеть здесь и уверять себя в обратном, ничего не изменится! Это не заставит его пройти через эту дверь...

Раздался резкий, пронзительный хруст, когда сломалась защита на входной двери. Они все уставились друг на друга, застыв в этом мгновении. Лефтерис не чувствовал ни малейшего намёка на пневму снаружи. Затем, все как один, они бросились в коридор.

Одна мутная рука пневмы насквозь пробила дверь. Пока Лефтерис с недоумением наблюдал за

происходящим, к ней присоединились ещё девятнадцать.

А затем к ним присоединилось ещё десять, и тридцать рук яростного намерения вырвали укреплённую дверь из рамы.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3445379>